

text
Kuba Sнопек

The main idea of my research is to identify a new typology of heritage, which would be an overlap of tangible and intangible values. As tangible values I understand simply architecture. The intangible ones are more difficult to identify – it is a big concentration of important cultural activities.

Why is this important? The late-modernist architecture, with its very bad reputation of a chaotic and dangerous space, has nowadays almost no defenders. And the methods which are used for identifying the objects for preservation from previous epochs, appear not to be valid for the late-modernism. Therefore I have started a search for a new approach, which would identify not only the architectural values, but also their influence on culture.

In case of Moscow, with its very strong artistic movement of Moscow Conceptualism, it was tempting to see if there is any connection between this kind of art and the architecture of a *Rayon* (a basic sleeping district). Establishing the link between art and architecture would definitely reinforce the latter.

Rayon and the conceptual art

Khrushchev's speech from 1954, where he had established a set of very strict design rules for architects, can be regarded as the beginning of the era of a *Rayon* in the Soviet architecture. The speech was not more than a summation of architectural processes which had been developing earlier, i.e. **prefabrication** and **industrialization** of architecture, **optimization** and **mass production** of elements. Yet, since all that was put together in one document, Khrushchev's speech became a very radical "manifesto" of the modernist architecture and a beginning of a new epoch in Soviet architecture.

The urban landscape, which was its product, appeared to be very different from what had been built so far. Vast spaces, huge distances, abstract shapes of buildings which were more objects in space than houses, are the main features of this new environment. It is also very important to understand, that this new landscape, in time of only one generation

became the dominating one in Soviet cities. Nowadays *Rayon* constitutes about 80% of Moscow's built space.

The Moscow Conceptualism, which appeared more or less when the first huge sleeping districts were built, from the point of view of an architect, appears to have a lot in common with the *Rayon*. During my research I was trying to prove certain links between the new landscape of a *Rayon* and the Conceptual art.

Moscow conceptualism and architecture

From the architect's point of view, I can see many possible relations between the architecture of a *Rayon* and the Moscow Conceptual art. In my opinion, the main features of Khrushchev's architecture had been identified by the artists and can be seen in their works.

I would assume the **emptiness** of the *Rayon* was influential on the work of the conceptualists. The "Collective Actions" group was using the emptiness of the suburbia as an integral element of their performances.

Dmitri Prigov was referring to the emptiness of Belyayev. When reading through the verses of the famous poem about the Militiaman, one can imagine him somewhere in the *Rayon*, trapped between its endless space and the sky.

Finally, Prigov was calling the district his Duchy. Prigov was inspired by the spaciousness of his own neighborhood. The wastelands between buildings he was calling his realms, and himself – the duke. Wasn't it an ironic way of perceiving this overwhelming emptiness?

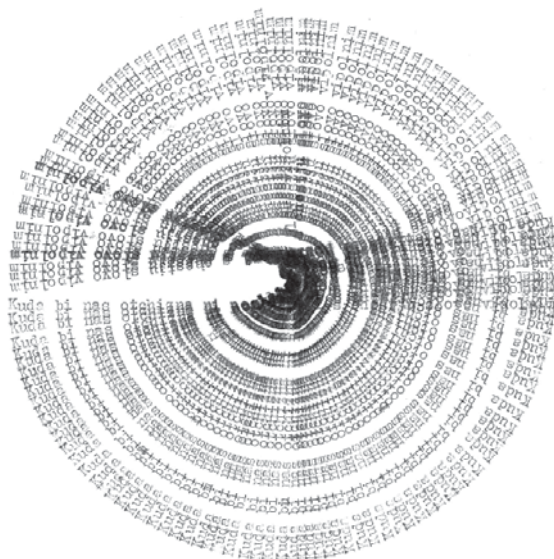
The abundance of space in Belyayev had also very practical consequences. In 1974 the "Bulldozer Exhibition" happened in one of its wastelands, being an answer of unofficial artists to banning art different than socialist realism by Khrushchev in 1962.

The conceptual artists also seem to have been **fascinated with the modernist rationality**. Geometry and digits many times constitute the language of their works. Numbers,

Нематериальное наследие / The intangible heritage

текст
Куба Снопек

перевод с английского
Никита Токарев

Микрорайон и концептуальное искусство

Речь Хрущева, произнесенная в 1954 году¹, в которой были заданы новые ориентиры для архитекторов, может считаться началом эры микрорайона в советской архитектуре. Речь содержала набор уже разработанных и опробованных в строительстве идей, таких, как унификация и индустриализация архитектуры, оптимизация и массовое производство элементов. Но, собранные воедино, эти положения сделали выступление Хрущева радикальным манифестом модернистской архитектуры. Городской ландшафт, воплотивший новый подход в архитектуре, резко отличался от всего построенного ранее. Пустые пространства, огромные расстояния, абстрактные геометрические формы зданий были его основными чертами. На глазах одного поколения именно эта среда стала доминирующей: сегодня в Москве микрорайоны занимают 80% застроенного пространства.

Московский концептуализм, появившийся примерно в одно время с первыми спальными районами, имеет, на мой взгляд, много общего с ландшафтом микрорайона.

Московский концептуализм и архитектура

Я полагаю, что основные черты хрущевской архитектуры можно увидеть в работах художников этого направления.

Прежде всего, повлияла на концептуальное искусство **пустота** микрорайона. Для группы «Коллективные действия» пустота пригородных полей и лесов была составной частью художественных акций. Эта же пустота ощущается в стихах Дмитрия Пригова, жившего в Беляево. Так, в знаменитом цикле стихов о Милицанере, герой видится затерянным в бесконечном пространстве между землей и небом². Пригов назвал Беляево своим герцогством, имея в виду его бесконечную протяженность: пустыри между домами он считал своей собственностью, себя – герцогом. Не было ли это ироническим путем освоения и присвоения переполняющей Беляево пустоты?

Избыточность беляевских пространств имела и вполне практические следствия. Именно здесь, на одном из

1. Речь на Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов 7 декабря 1954 г.

2. Когда здесь на посту стоит Милицанер
Ему до Внуково простор
весь открывается
На Запад и Восток глядят
Милицанер
И пустота за ними открывается...

(Д. Пригов. *Апофеоз Милицанера*, 1978)

Во время проезда правительственных кортежей из аэропорта Внуково на Киевском шоссе действительно стоял милиционер, чья одинокая фигура была видна издалека.

Основная идея данного исследования – выявить новый тип наследия, сочетающий материальные и нематериальные ценности. Под материальной ценностью я имею в виду собственно архитектуру. Нематериальную ценность наследия определить гораздо труднее, ее индикатор – концентрация значимых для культуры событий на территории памятника.

Почему это важно? Массовая архитектура позднего модернизма, с ее плохой репутацией хаотического и опасного пространства, сегодня почти лишена защиты. Методы выявления памятников более ранних эпох не работают в случае типового строительства. Поэтому я вижу необходимость в новом подходе, учитывающем не только архитектурную ценность, но и влияние на культуру. Если говорить о Москве, такой подход можно опробовать на примере движения московского концептуализма и его возможной связи с архитектурой *микрорайона* как основой городской типологии 60–80-х годов.

repetition of the same action certain number of times is a common element of Collective Actions' performances. Monastyrsky's *Elementary Poetry* is full of numbers, graphs and diagrams – as if it was written not on poetry but on physics. Newspapers, being a logical and hierarchical distribution of information, were often used by Prigov as a background of his graphics.

Prigov was also working with **objects**, this is for me another analogy with architecture. The architects of those times had a catalogue of ready architectural solutions, which they were composing in space. The conceptual artists objectified the language, the words became objects. Some of Prigov's poems seem to be a transition state between poetry and graphics – they can be both read and looked at. Using a typewriter, he was able to, by using words as objects, create totally new compositions.

Many times those words-objects have been endlessly repeated. The use of a typewriter allowed him to repeat the same words, analogically to architects who thanks to prefabrication could repeat buildings.

This **repetitiveness** may be found virtually everywhere. In his poetry he is many times repeating the same words (the poem about the Militiaman). The background of his graphics also is repetitive (for me the most interesting case is the background being reminiscent of a typical flat in a prefab building).

In my opinion also the **total approach** in the construction is reflected by the total approach in art. The installations, which appeared in the early eighties, are the best illustration. Due to the difficulties with exhibiting art, the conceptual artists were using their flats as exhibition spaces. In 1983 Irina Nakhova painted the walls and the floor of her apartment. Therefore she created a new kind of object, an image, into which one can walk. Nakhova's "Rooms" pushed Ilya Kabakov into the idea of the total installation. For him, the total installation is a materialization of a method already known in fine arts – entering into the picture.

пустырей, в 1974 году состоялась знаменитая Бульдозерная выставка, ставшая ответом неофициально-го искусства на запрет всех художественных течений, кроме социалистического реализма, провозглашенный Хрущевым в 1962 году.

Художники концептуального круга также восхищались **рациональностью** модернизма. Язык геометрии и цифры не раз становились языком их работ. Числа, ряды чисел, бесчисленные повторения одного и того же действия постоянно встречаются в акциях группы «Коллективные действия». «Элементарная поэзия» А. Монастырского полна графиков, диаграмм и цифр, словно трактат по физике. Газеты, транслировавшие государственную логику и иерархию в распределении информации, часто использовались Приговым в качестве фона для графиков. Пригов также много работал с **объектами**, здесь, как мне кажется, есть аналогия с архитектурой. Типовая архитектура имеет дело с каталогом готовых решений, которые по-разному комбинируются в пространстве. Концептуальная поэзия объективизирует язык, слова становятся объектами. Некоторые стихи Пригова являются переходной стадией между поэзией и графикой – их можно читать и смотреть как изображение. С помощью пишущей машинки он мог, применяя слова, как объекты, создавать совершенно новые смыслы. Слова-объекты повторяются множество раз, подобно тому, как в архитектуре микрорайона повторяются элементы-панели и сами здания. Идея **повтора** также лежит в основе его графических произведений, инсталляций. Характерный пример, когда фон работы напоминает о типовой квартире в панельном доме.

Тотальность типового строительства эхом отзывается в искусстве. Лучшей иллюстрацией такого подхода могут быть инсталляции начала 80-х. Не имея возможности выставляться, художники превращали собственные квартиры в выставочные площадки. В 1983 году Ирина Нахова расписала стены и пол своей квартиры, создав тем самым новый тип объекта: картину, в которой можно было ходить. «Комната» Наховой натолкнула Илью Кабакова на идею тотальной инсталляции. Для него тотальная инсталляция – это способ введения зрителя в поле искусства.

As I was trying to prove, Khrushchev's architecture was an inspiration for artists. Probably, if not this modernist landscape, conceptual art would not appear in the same form. It may be a sufficient reason to try to preserve parts of this architecture. There are certain features of *Rayon's* architecture, which have been an inspiration for art – which I was writing about in the previous part of the text.

How should we preserve those fragile yet characteristic features? What is the right approach?

There are many questions how to deal with those key features. One of the immanent features of the *Rayon* is its **totality**. Is it possible to propose partial preservation for something as total and holistic as a *Rayon*?

The *Rayon* consists of **objects**: buildings, being a product of the process of optimization. The task of an architect was largely limited to creation of the most perfect composition of those objects. How to deal with that, what to preserve? Only the geometry and general composition, or the objects themselves?

The **repetitiveness** also seemingly calls for another approach. Until now only unique buildings were in focus of attention of preservationists. So what can we do with the mass produced architecture, where not only buildings but the whole spatial organization was repeated tens of times?

How to deal with **emptiness** – one of *Rayon's* most important features – and one of the most difficult to preserve? In projects always designed as an attractive green area, in reality the humongous spaces between buildings many times were becoming huge chunks of nothingness. Devoid of function, practically deprived of an owner who would be responsible for them, those spaces became a no man's land of the modern age. Should this emptiness be preserved? How?

To answer all those question, which is the goal of my research, means to define the future destiny of the architectural heritage of the period shaped up by the *involuntary* "architect" and "artist" Nikita Khrushchev.

Наследие в пространстве микрорайона

Таким образом, можно предположить, что хрущевская архитектура могла быть источником вдохновения для художников: в отсутствие модернистской городской среды концептуализм мог бы не появиться или приобрести совсем другие формы. В этом обстоятельстве, мне видится, одна из причин для сохранения архитектуры 60–80-х. Но как же сохранить ее трудно поддающиеся определению, но столь важные для культуры и искусства этой эпохи свойства?

Наибольшую трудность представляет **тотальность**: можно ли предложить частичное сохранение чего-то столь непрерывного и единого, как микрорайон? Микрорайон состоит из зданий, **объектов** массового производства. Задача архитектора сводилась к созданию наилучшей композиции из них. Что здесь подлежит сохранению? Композиция или сами объекты?

Массовость микрорайонной застройки также требует иного подхода к проблеме сохранения. До сей поры в фокусе внимания охранителей была в первую очередь архитектура уникальная. Что же делать с микрорайоном, в котором по определению не должно быть ничего уникального – ни в архитектуре, ни в организации пространства?

Другой вопрос относится к пустым пространствам микрорайона. Задуманные как привлекательные зеленые территории, эти пространства между домами стали в реальности средоточием отсутствия. Лишенные содержания, назначения, хозяина, они, по сути, необитаемые, ничейные земли современной эпохи. Нуждается ли пустота в сохранении, и если да, то каким способом?

Цель моего исследования найти ответы на все эти сложные, совсем неочевидные вопросы, предложить новые методы, стратегию и тактику сохранения архитектуры той эпохи невольным «архитектором» которой был Никита Сергеевич Хрущев, а главными героями – Дмитрий Александрович Пригов, Илья Эмильевич Кабаков и многие другие писатели, художники, поэты московского концептуализма.